

Стихотворение Александра Блока «К Музе» в интерпретации Андрея Белого

Предисловие и публикация Александра Лаврова

После выхода в свет книги Андрея Белого «Символизм» (1910), включавшей четыре статьи, определившие последующее направление развития русского стиховедения, изыскания ее автора в области стиха продолжились по двум основным руслам. Одно из них имело целью всестороннее описание ритма того или иного размера, основанное на статистических данных (эти разработки были предприняты в 1910—1912 гг. Ритмическим кружком, действовавшим под руководством Белого при издательстве «Мусагет»), а также, наряду с анализом «морфологии» ритма, изучение «физиологии» стиха, раскрывающейся благодаря исчислению ритмической «кривой» (книга Белого «О ритмическом жесте» (1917), сохранившаяся в черновом автографе, позднейшая его книга «Ритм как диалектика и “Медный всадник”», опубликованная в 1929 г., и ряд иных работ). Другое направление вводило в сферу семантики поэтического слова. Оно было непосредственным образом стимулировано работой по статистическому анализу стихового ритма. Летом 1910 г. Белый, занимаясь исчислением ритма пятистопного ямба Баратынского, Тютчева и лирики Пушкина, приступил к параллельному изучению и классификации лексического состава стихотворений тех же авторов: «Собираю материал на тему: “солнце, луна, воздух, вода, небо” у Пушкина, Тютчева, Баратынского»¹. Тогда же

¹ Андрей Белый. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 57 об. Ср. аналогичную ретроспективную запись (июнь 1910 г.): «Бешеная работа над пятистопным ямбом Пушкина, Тютчева, Баратынского, паузными формами; уточняю номенклатуру записи ритма; <...> собираю материал по эпитетам

Белый предполагал оформить результаты своих наблюдений в специальную работу (3 июня 1910 г. он писал А. М. Кожебаткину: «...думаю дать Вам статьи о лирике "Пушкина, Тютчева и Баратынского"²; собираю данные»), которая была завершена и напечатана только в 1916 г. и, вместе с двумя статьями, посвященными анализу поэтической образности Вяч. Иванова и А. Блока, составила книгу Белого «Поэзия слова» (1922).

Упомянутая работа о Блоке, впервые опубликованная под заглавием «Поэзия Блока» в сборнике «Ветвь» (М., 1917), была для Белого первым аналитическим опытом обобщенной характеристики поэта. Написана она была в конце 1916 г.³ — в пору, когда, после завершения статьи «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (опубликованной в «Биржевых Ведомостях» 26 июля 1916 г.), в которой проблема описания поэтического идиостиля была осмыслена Белым в обусловленной связи с анализом семантических полей, охватывающих основные природные стихии, тот же подход был признан релевантным и по отношению к лирике Блока: «Ключ к раскрытию духа единства поэзии Блока в изучении многообразия проявления ее жизни в стихиях»⁴. Выявление образных рядов, отражающих мир «стихий», при этом восполняется анализом эвфонической структуры стихотворений Блока; ему посвящен заключительный, 8-й раздел статьи. Демонстрация различных примеров «словесной инструментовки» завершается описанием доминирующей в третьей книге «Стихотворений» (1916) Блока аллитерации: «"Рдт — дтр" пробегает по третьему тому стихов <...> Пример? Сколько угодно: "Я пригвожден к трактирной стойке" (рдтррт), "мертвец, родной души народной" (ртрддрд). "стрелой татарской древней воли" (тртрдрд) <...> на "рдт" — инструментована третья книга стихов». Белый угадывает и смысловой эквивалент выявленной им аллитерационной доминанты, предлагая свою лексическую формулу, которая содержит в себе ту же инструментовку на согласных: «...в "рдт" форма Блока запечатлела трагедию своего содержания: трагедию отрезвления — трагедию трезвости <...> в ер—де—те — внешнее выражение мужества и трагедии трезвости»⁵. В «Воспоми-

к работе "Стихии у Пушкина, Тютчева, Баратынского"» (Андрей Белый. Ракурсы к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 52).

² Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. Вып. 10. С. 141 / Публикация Джона Малмстада.

³ В дневниковых ретроспективных записях Белого «Жизнь без Аси» зафиксировано: «10—20 <декабря> — Сергиев Посад. Работа над собиранием материала статьи о Блоке. Писание статьи» (РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1). В аналогичном своде «Работа и чтение» те же сведения приводятся в записи о ноябре 1916 г.: «Две недели работу над поэзией Блока. <...> Статья о Блоке» (РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 6).

⁴ А. Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 434.

⁵ Там же. С. 442—443.

нениях о Блоке» (1922) Белый дал название одной из главок «Трагедия трезвости!...», полагая, что найденная им формулировка аккумулирует в себе «звучания лейтмотива третьего тома»⁶.

За статьей о лирике Блока, в которой анализ поэтической семантики был предпринят на локально очерченном материале, последовала общетеоретическая статья «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», написанная Белым в феврале 1917 г. В ней в разделе «Изобразительность» дано несколько образцов анализа малых стихотворных фрагментов («Шипенье пенистых бокалов // И пунша пламень голубой», «Роняет лес багряный свой убор»), вскрывающего механизм сотворения поэтического звукообраза.

Исследовательские установки Белого здесь принципиально не отличаются от той методики, которой он руководствовался в «Символизме» при разграничении «бедных» и «богатых» ритмов: первые характеризуются наибольшим соответствием метрической схеме, вторые — наибольшим несоответствием ей. Аналогичную бинарную систему Белый устанавливает, когда обращается к описанию и статистическому анализу «словесной инструментовки», — расчленяет звуки, складывающиеся в поэтический текст, на случайные и неслучайные, наделенные смыслом, являющиеся составными элементами звукообраза. В пушкинских строках «Шипенье пенистых бокалов // И пунша пламень голубой» он выделяет «неслучайные» звуки курсивом и заключает: «Из 43 звуков 29 звуков мудро-осмысленных, неотчленимых от смысла; и 14 звуков обычных; эти 29 звуков нам образуют как бы звуковой корень смысла, вырастающий из сложения многих звуков в нам внятно гласящее слово; оно — слово звука»⁷. Далее внутри «неслучайных» звуков выявляются «звуковые, динамические линии», в своих соединениях и переплетениях образующие особый поэтический смысл — «единую целостность "звукообраза"»⁸.

Аналитические приемы, продемонстрированные в «Жезле Аарона», Белый широко использовал в своих последующих опытах интерпретации стихотворных текстов. В том же году, когда была написана эта программная работа, он вновь обратился к изучению поэтической образности Блока. В автобиографическом регистре Белого «Работа и чтение» в записи об июле 1917 г. зафиксировано: «Занимаюсь аллитерацией в поэзии Блока. Пишу черновую статью на эту тему»;

Там же. С. 323. В дневниковой записи от 16 августа 1921 г. Белый свидетельствует, что эта трактовка нашла признание и понимание у самого Блока: «...когда в 1917 году (в начале года) я высказывал Блоку мысли о его творчестве, легшие в основу моей статьи о нем в "Ветви", то он весь расцвел, когда я ему рассказал о моем толковании его аллитерации 3-го тома "т", "р", "д" ("тр" — "др"): "Трагедия трезвости". Именно с тем, что третий том есть трагедия трезвости, самосознание <...> — с этим он был глубоко согласен» (Там же. С. 454).

Скифы. Сб. 1-й. [Пг.], 1917. С. 186.

Там же. С. 187.

здесь же в рубрике «Что написано» значится: «Черновой материал для статьи “Аллитерации в поэзии Блока” (не написано начисто)»⁹. В «Ракурсе к Дневнику» запись об июле 1917 г. также содержит сообщение: «...экспериментирую на Блоке над эвфоническими жестами»¹⁰. Результаты этих изысканий не только не были сведены автором в законченное исследование, но и дошли до нас лишь во фрагментах. Один из таких фрагментов, сохранившийся в архиве Андрея Белого, опубликовала Е. В. Глухова¹¹. Этот отрывок, не имеющий начала и конца, включает анализ аллитераций в стихотворении «Из хрустального тумана...» (1909), входящем в раздел «Страшный мир» 3-й книги «Стихотворений» Блока; выявление фонетических доминант приводит исследователя к выводу о том, что «соединение гортанных, визжащих и ветряных звуков проносится вихрем по всем строкам строф; стихотворение — звукоподражание *ветра* и *визга*; оно не осознано Блоком; оно — неотвязно звучит»¹². В истолковании Белого согласные звуки этого стихотворения подлежат рассредоточению по трем семантическим полям: «звуки Солнца», «звуки Луны», «звуки Земли». Как отмечает Е. В. Глухова, эта рубрикация согласных полностью соответствует той, что была предложена в «поэме о звуке» Белого «Глоссолалия»¹³.

Изучение блоковских аллитераций шло у Белого параллельно с опытами мифопоэтического познания открывающихся в звуке тайн космогонии, которые были стимулированы воззрениями Р. Штейнера и нашли свое прямое отображение в «поэме о звуке». Приведенной выше цитате из «Ракурса к Дневнику» в записи об июле 1917 г. предшествует сообщение: «...впервые штудирую курс Штейнера “Тайны библейского мировоззрения”, который подымает во мне тему глоссолалии»¹⁴. Сочинение «Глоссолалии», согласно авторским указаниям в реестре «Работа и чтение», приходится на август — октябрь 1917 г.; оно шло следом за штудиями об аллитерациях у Блока, а может быть, и одновременно или почти одновременно с ними. Закачивал работу над «Глоссолалией» Белый в Царском Селе, в квартире Иванова-Разумника, сохранившего в своем архиве еще один фрагмент текста, который относится к не дошедшему до нас в полном объеме блоковскому «аллитерационному» комплексу¹⁵. В пояснительной приписке Иванова-Разумника к автографу Белого сообща-

⁹ РГБ. Ф. 25. Карг. 31. Ед. хр. 6.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 88 об.

¹¹ См.: А. Белый. Об аллитерациях в поэзии Блока / Публ. Е. В. Глуховой // Русская антропологическая школа: Труды. М., 2004. Вып. 2. С. 353—364.

¹² Там же. С. 358.

¹³ Там же. С. 356.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 88 об.

¹⁵ Он был кратко охарактеризован в нашем обзоре «Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 38).

ется, что эта рукопись (авторского названия не имеющая и озаглавленная архивовладельцем «Поэзия Блока» — видимо, по аналогии с одноименной статьей, напечатанной в сборнике «Ветвь») была написана в Царском Селе в январе — феврале 1917 г. «как введение в писавшуюся тогда же статью “Глоссолалия”».

В приведенном пояснении содержится как минимум одна хронологическая неточность: в начале 1917 г. Белый еще не писал «Глоссолалию»; согласно всем не противоречащим друг другу авторским свидетельствам, замысел этого произведения родился не ранее лета 1917 г. Работал ли Белый над отложившимся в архиве Иванова-Разумника разбором эвфонической структуры стихотворения Блока «К Музе» в январе — феврале 1917 г., как указывает владелец архива, или этот текст относится к более позднему времени — к лету того же года, которым сам автор датирует материалы для статьи «Аллитерации в поэзии Блока», — сказать со всей определенностью затруднительно. Свою хронологическую привязку Иванов-Разумник сделал ряд лет спустя (видимо, уже в 1930-е гг., в перспективе передачи архива на государственное хранение) и легко мог спутать два царскосельских пребывания Белого в 1917 г.: в феврале — начале марта и в октябре (указание же января 1917 г. как времени его проживания в Царском Селе заведомо неточно: Белый приехал в Петроград 30 января, обещая Иванову-Разумнику появиться у него «в понедельник, или во вторник»¹⁶, т. е. 30 или 31 января). Эти соображения позволяют подвергнуть сомнению датировку Иванова-Разумника. Вместе с тем известно, что в феврале 1917 г. Белый работал в его царскосельской квартире над статьей «Жезл Аарона», в которой представлены образцы той же методики анализа стихотворного текста, что и в детальном разборе стихотворения «К Музе», открывающего первый раздел («Страшный мир») 3-й книги «Стихотворений» Блока (в «мусagetском» издании 1916 г., которым пользовался Белый, оно было представлено в сокращенной редакции, без 4-й и 5-й строф); вполне вероятно, что анализ блоковского стихотворения мог мыслиться автором как частное следствие и иллюстрация общих положений, обоснованных в «Жезле Аарона», и, соответственно, мог вестись параллельно. Вместе с тем и близость текста, сохраненного Ивановым-Разумником, с уцелевшим фрагментом, содержащим разбор стихотворения «Из хрустального тумана...», дает веские аргументы в пользу того, что в данном случае мы имеем дело с двумя осколками некой совокупности аналогичных аналитических эзерсисов, синхронных по времени своего оформления — т. е. относящихся к лету 1917 г. Весьма значимо указание Иванова-Разумника на то, что этюд об инструментовке стихотворения «К Музе» мыслился как введение в «Глоссолалию»: скорее всего в данном случае зафиксированы суж-

См. письмо Белого к Иванову-Разумнику из Москвы от 26 января 1917 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 98).

дения самого Белого, предназначавшего «Глоссолалию» для опубликования в одном из сборников «Скифы» (редактором-организатором которых был Иванов-Разумник) и в конце концов напечатанного ее отдельным изданием в Берлине в 1922 г. Впрочем, нельзя не отметить, что четко ограниченное локальным материалом описание звукофонической структуры одного стихотворения Блока по замыслу и исполнению весьма отличается от «Глоссолалии», цель которой — показать отображение макрокосма вселенной в микрокосме языка, слова, звука. Видимо, осознавая это несходство, Белый отказался от первоначальной идеи предварить «поэму о звуке» анализом звукописи одного из стихотворений высоко ценимого им поэта.

Как и многие другие уцелевшие материалы из архива Иванова-Разумника¹⁷, рукопись Андрея Белого, содержащая разбор стихотворения Блока «К Музе», сохранилась в дефектном состоянии: повреждены в большей или меньшей степени все составляющие ее 12 листов. По всей вероятности, отсутствует ее окончание (надо полагать, что связно выстроенный анализ завершался обобщающими резюмирующими соображениями), пространные фрагменты текста на нескольких листах утрачены. В некоторых случаях представляется возможным восполнить лакуны, поскольку текст в значительной части состоит из блоковских цитат с теми или иными графически выделенными акцентами (последние также в ряде случаев поддаются реконструкции благодаря сохранившимся указаниям о методике воспроизведения цитатного материала). Восстанавливаемый текст приводится в угловых скобках; в таких же скобках отмечается наличие тех фрагментов текста, которые не поддаются восстановлению (или могут быть восстановлены лишь предположительно): <...>.

Текст печатается по автографу, хранящемуся в фонде Иванова-Разумника в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 63.

Поэзия Блока¹⁸

1

Чтоб вполне оценить богатство инструментовки в поэзии Блока, я позволю себе для примера взять одно из стихотворений, открывающее <?> первую книгу стихов¹⁹; стихотворение озаглавлено «К Музе»; привожу его целиком:

¹⁷ О спасении в 1944 г. остатков этого архива, погибшего в значительной части во время оккупации Пушкина (бывшего Царского Села) см. в мемуарном очерке Д. Е. Максимова «Спасенный архив» (Огонек. 1982. № 49. С. 19).

¹⁸ Заглавие — рукой Иванова-Разумника. Его же пояснительная приписка к тексту: «Написано в Царск<ом> Селе 1/II 1917, как введение в писавшуюся тогда же статью "Глоссолалия". Ив.-Раз.»

¹⁹ Явная описка; подразумевается: «третью книгу стихов».

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазня своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты²⁰
Луг с цветами и твердь со звездами —
Все проклятье своей красоты:

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого Аи,
И любви цыганской короче —
Были страшные ласки твои.

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь...

Первая строфа в ассонационном отношении главным образом строится на двух гласных: на «а» и на «е»:

еее
аие
еяе
аае

Здесь встречает нас внутренняя ри<фма> <...> Великолепна инструментовка согл<асных> <...> инструментовки являются четыре гр<уппы> <согласных> «в», кр, пр и ст («с» <...> в «ч»:

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.
Есть проклятье заветов священных

Группа эта пронизывает первые три стр<оки>: в — в — в — в — в — в — в — в. Группа кр соединяется с гласной «о»:

Есть в напевах твоих соКРОвенных
РОКовая о гибели весть.
Есть пРОКлятье заветов священных,
ПОРУгание счастья есть.

Группа проходит четыре раза: кро — рок — ор — г (гортанная «к» переходит в «г»).

²⁰ В автографе описка в последовательности слов: «ты мне».

Группа «пр» (зде<сь> «п» смягчается в «в») в соединении с «о» нам встречается трижды: сокРОВенных, ПРОклятье, ПОРугание (ров — про — пор).

Группа «ст» пронизывает все четверостишие.

ЕСТЬ в напевах Твоих Сокровенных

Роковая о гибели веСТЬ.

ЕСТЬ проклятьЕ ЗавеТов Священных,

Поругание СЧАСТИя еСТЬ.

Ст — т — с — ст — ст — т — з — т — с — сч — ст — ст.

Кроме того есть переключка слогов *не — ве — бе — ве — ве*:

Есть в наПЕвах твоих сокроВЕНных

Роковая о гиБЕли ВЕсть.

Есть проклятье заВЕТов священных.

Итак, видим мы, словесная инструментовка первой строфы необычайно богата. Соединим же все неслучайные звуки четверостишия:

Есть — в — пев — тв — скровенных

Рок — в — бе — весть.

Есть прок — т — з — ветв — св — енных

Пор — с — ст — есть

Соединим случайные звуки теперь <...>

На — ах — оих — о

О — ая — о — ги — ли

Ля — е — а — ящ

У — ание — а.

Выключим отсюда ударные ассон<ационные> звуки:

На — ах — оих — о

О — я — о — ги — ли

Л — е — а — ящ

У — нис.

И мы увидим, что почти все звуки (согласные, гласные) связаны инструментальной связью.

В первой строфе неслучайных звуков «65»; случайных лишь «24».

Вторая строфа:

И такая влекущая сила,

Что готов я твердить за молвой,

Будто ангелов ты низводила,

Соблазняя своей красотой.

Линия гласных, ломаясь, контрастирует: ассонансов нет. Инструментовка согласных богата. Во-первых: твердые зубные «дт» проходят сквозь строфу:

И Такая влекущая сила,

ЧТо гоТов я ТвeрДиТЬ за молвой, т — т — т — т — д — т —

БуДТо ангелов Ты низвоДила, дт — т — д — т

Соблазняя своей красоТой.

Далее: во второй строке настойчивое повторение слогов на «о»:

Ч — ТО ГО — ТО — в я твердить з<а МО — л — ВО — й.>

То — го — то — мо — во.

«Д», соединяясь с «н», образует пер<еход?> <...>

...тверДИть за молвой.

Будто ангелов ты низвоДИла.

Характерно и гармонично повторение группы звуков «лв», где «в» крепнет в «б» («бл»); эта группа звуков <соеди>няется с о (олв — лов — во — л — обл — во); «л» же перех<одит> в «р» (вле — вер):

И такая ВЛЕкушая сила,
Что готов я тВЕРдить за МОЛВой,
Будто ангеЛОВ ты низВОдила,
СОБЛазняя с ВОей красотой.

Наконец, «н», переключаясь с «м», образуют три внутренне со-
звонные группы: змлв — нзвл — блзн в словах за молвой, низводила,
соблазняя, притягивая группу звуков нлв в слове ангелов:

Что готОВ я твердить За МОЛВОЙ.
Будто аНгеЛОВ ты НиЗВОдила,
СОБЛазНЯя...

Открывается приближение к внутренней рифме в словах (го-
тов — ангелов). Аллитерационная изощренность поистину <так>
изумительна.

Соединим же теперь неслучайные звуки строфы.

Т — вле — ила
То — готов — твердить з — молвой
дто — нг — лов т — нзводила
Соблзн — сво — с — той.

Соединим случайные звуки.

И — акая — кушая — с
Я — а
Бу — а — е — ы
яя — ей — кра — о

В первой группе имеем 58 звуков; во второй лишь 26 звуков.

Неслучайные звуки преобладают и зд<есь>

Третья строфа:

И когда ты смеешься на<д> верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Линия гласных извилиста.

Что касается жизни согласных, то нас <вс>тречает здесь группа
«дтр», причем в первой и четвертой строке доминирует группа «дт»,
в третьей доминирует звук «р», а во второй строке эти звуки встреча-
ются: дт — рдт — рр — дт.

И когДа Ты смеешься наД веРой д — т — д — р
НаД Тобой загоРаеТся вДРуг д — т — р — т — др
То Т неяРкий пуРпуРово-сеРый т — т — р — р — р — р
И когДа-То мной виДенный кРуг д — т — д — р

Характерна аллитерационная симметрия первой и четвертой
строки:

1) д — т — д — р

4) д — т — д — р

Далее, характерно здесь соединение «р» с гортанными «к» и «г»:

гр—рг—рк—кр (и здесь симметрия изысканна: сначала *гр* в слове «загорается»; потом обратно «*рг*» в слове *вдруг*; сначала «*рк*» в слове «неяркий»; потом обратно «*кр*» в слове «круг».

Над тобой заГоРаётся вДРуг
Тот неяРКий пурпурово-серый
И когда-то мной виденный КРУГ.

Далее: «когда ты» (первой строки) с «когда-то» (четвертой) образуют две внутренние рифмы; и внутренне рифмуют «тобой» (вторая строка) с «мною» (четвертая строка); образуется изысканная сеть внутренних рифм.

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий пурпурово-серый
И когда-то мной виденный кр<уг>.

Последняя строка состоит сплош<ь> <из> <...> слов (когда-то, мной, круг).

Кроме того: сочетание звуков «ат» в сл<овах> «когда ты» рифмуется с двумя *над* (*над верой*, *над тоб<ой>*). <Если?> принять во внимание, что слоги «*ме*» <и «*не*» (пер<вой> и третьей строки²¹) встречаются, <что повторяе>тся слог *пур—пур* в слове «пурпуровый», что сл<ог> «*то*» слова «*тот*» перекликается со слогами «*то*» слов *когда-то*, *тобой*, мы имеем право представить произвольную магию внутренних рифм в таком виде.

И когда ты... над верой
Над то—бой... вдруг
То... — пур—пур—... серый
И когда-то мной... круг.

Т. е. большинство слов строфы внутренне рифмуют друг с другом.

Соединим неслучайные звуки этой третьей строфы:

И — когда — ты — ме — над — ерой
Над — тобой — гр — т — друг
Тот — не — рк — пурпур — ерый
И — когда — то — мной — д — круг.

Соединим случайные звуки.

С — ешься — в
За — а — ся — в
Я — ий — ово — с
ви — енный.

Неслучайных звуков 66; случайных 27.

Неслучайные звуки преобладают.

Четвертая строфа:

Я хотел, чтоб мы были <врагами,>
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь <со звездами —>
Все проклятье своей красот<ы>.

²¹ В автографе описка: <пер>вой и третьей и [четвертой] третьей строки.

Обращает внимание внутренняя рифма «луг с» *цветами* и твердь со *звездами*. Далее <...> слово «луг» рифмуется с последней строчкой предлежащей строфы:

...Мной виденный *круг*.

Я хотел, чтоб...

Луг с *цветами*.

Прежде всего аллитерационная группа *дтр* проходит и здесь:

Я хо Тел ч Тоб мы были в Рагами	т — т — р
Так за ч То ж по Да Рила мне Ты	т — т — д — р — т
Луг с цве Тами и Тве РДь со звездАми	т — т — р — д — д
Все пРоКля Тье Твоей кРасо Ты.	р — т — т — р — т

Ряд и более тонких созвучий присоединяется к инструментовке:

1) перекликаются слоги: мы — бы — ми — ми — ми — был — ил — что — что:

Я хотел **ЧТОБ МЫ БЫЛИ** врага **МИ**
Так за **ЧТО** ж подар**И**ла мне ты
Луг с цвета**МИ** и твердь со звезда**МИ**

2) вр — вер (*врагами — твердь*)

3) цве — тве — зве (с *цветами* и *твердь* со *звездами*)

4) да — та — да — ра — ра:

Я хотел чтоб мы были в **РА**гами
ТАк за что ж по**ДА**рила мне ты
Луг с цве **ТА**ми и твердь со звезд**ДА**ми
Все проклятье твоей к**РА**соте.

5) цв — тв — зв — зд — тв:

Луг с **ЦВ**етами и **ТВ**ердь со **ЗВ**ездами
Все проклятье **ТВ**оей красоты.

6) бл — вр — лм — вр — прл: **БЫЛИ ВРА**гами... пода **РИ**ла
<...> прок**Л**ятье.

7) кля — кра: про<**КЛ**ятье — **КРА**соте.>

8) ркт — крт: <п**РО**Кля Тье — **КРА**со Ты.>

9) п**РО**К**Л**Я Тье — **КР**<Асо Ты>

Словом — вот группа неслучайных зву<ков.>

Те — что — мы — были — врагами
Та — что — подарил — мне — ты
Луг — цветами — твердь — сзве<здами>
пр — клять — тв — кра — ты.

Вот случайные звуки.

Я — хо — л — б
К — за — ж — о — а
И — о
Все — о — е — оей — со

Неслучайных звуков 72; случайных — 23.

Пятая строфа:

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого Аи,
И любви цыганской короче —
БЫЛИ страшные ласки твои.

Интересна здесь симметрия ударных гласных:

а — е — о
е — о — и
о — а — о
ы — а — а — и

Звук «о», сперва проходя на третьей ударной первой строки, проходит на второй ударной второй и открывает первую ударную третью, доминируя здесь; нам от этого кажется, что звук «о» доминирует.

— — о
— о —
о — о

Интересна симметрия ударных «о» и «а» между тремя последними строчками:

2-ая: — о —
3-ья: <о — а — о
4-ая: а — а>

Здесь встречает нас <...> внутренней рифме:

И коварнее северной н<очи>
И хмельней...

Сочетание звуков как бы рифмуется с <заключительной?> строфой в слове «попираны».

Нее...ной
Ней.....
.....
.....
.....
ныи.....

Кроме того: нас встречает ряд аллитераций. Во-первых на «н».

И ковар Нее север Ной Ночи
И хмель Ней золотого Аи
И любви цыга Нской короче
Были страш Ные ласки твои.

Пробегают схожие слоги на «е»: не — е — се — ве — ме — не.

И ковар НЕ — Е СЕ — ВЕ — рной ночи
И хМЕ — ль — НЕ — й...

Пробегают звук между «о» и «а» (нсударное «о»), создающий во-круг «о» как бы sui generis ауру.

И к Оварнее северн Ой н Учи
И хмельней з Ол От Ут О Аи
И люб Уви цыганск Ой к Ор Уче...

Интересно звукосочетание согласных *врн — врн — млн* (в последней группе «в» переходит в «м», а «р» в «л»):

И ко Ва Р Нее се Ве Р Ной ночи
И х М е л ь Ней...

Интересно сочетание с <логов?> <...> *раш — лас* («рл» — плавные, «шс» — шип<ящие>)

Были стр<ашные ласки твои.>

Соединим неслучайные звуки

И ков — рнее еверной ночи
И — мельней — олово — о — Аи

И — л — о — в — и — н — кой — короче
Ы — и — трашнЫе лас — и т <— ой>

Соединим случайные:

а — с
х — з — г
юб — цыга — с
б — л — с — к — в

Неслучайных звуков 66: случайных — 17.

6-я строфа:

И была роковая отрада
В попираньи заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь.

Первые две строки интересны; в них идет ассонанс, переходящий в прогрессию:

а — а — а
а — е — ы

Инструментовка согласных здесь *р — д — т*, как и всюду у Блока в третьей книге стихов.

И была Роковая оТРаДа р — тр — д
В попиРа́ньи завеТных свяТынь. р — т — т
И безумная сеРдцу услаДа рд — д
ЭТа гоРькая сТРаСТЬ, как полынь. т — р — тр — т

Эта группа осложняется присоединением к ней звуков «с», «з» и «ц», образующих «рзт — ст — з — рдц — слд — стр — ст».

И была Роковая оТРаДа
В попиРа́ньи Заветных Святынь
И беЗумная СеРдцу услаДа
ЭТа гоРькая СТРАСТЬ, как полынь>

Кроме того интересны со<...>

ра — ра — ра — ра (р<...>)

Интересно «и» («в попира́Ньи заветНых святы<Нь>») <...> оно всюду оканчивает слова.

Интересны группы 1) тны — тынь («завеТ<Ных>» — «свяТыНь») >
2) зетн — свтн («ЗавеТНых» — «СвяТыНь») >

Строка «В ПоПиРа́ньи ЗаветНых<х> святыНь» рифмуется со строкою «И коВаРнее Се<ВеРной> Ночи», образуя те же группы согласных:

ппрн (попиранье) — звн (заветных) — свн (святынь)
врн (коварнее) — сврн (северной)

Интересна симметрия губных:

И была б
В попираньи пп
И безумная бм

Не случайны тут звуки:

И б — рок — ая — трада
В п — п — раньи — звтны — свтынь
И б — з — мная — рдц — слада

Та — рьякая — страсть — ынь.

Случайные звуки:

ыла — ов — о
о — и — а — и — х — я
е — у — е — у — у
э — го — к <ак — пол>

Характерно, что слу<чайные зву>ки образуют свою <...>
<сим>метрию:

е — у — е — у — у

Они исключаются. Исключаются гласн<ые> <...> (в попира́нье),
как у <...>

Случайны звуки:

ыл — ов — о
о — и — е — х
э — го — как

Далее: «л — ов» — «пол» переклика<ются> <...>

Случайны, собственно говоря, <...>

ы — о
о — и — и — х — я
э — го — как...

Итого неслучайных звуков 72; случайных — 13.

Характерно же: сумма всех неслучайных звуков стихотворения =
65 + 58 + 66 + 72 + 66 + 72 = 399.

Сумма случайных = 24 + 26 + 27 + 23 + 17 + 13 = 130.

Отношение между ними (399 : 130) = 3

Неслучайных звуков втрое больше случайных.

Стихотворенье пульсирует сетью внутренних созвучий и рифм.

Изобразим эти рифмы:

Есть... ва... ве — нных
...ва..... весть
Есть... ве... — нных
..... есть.
...такая сила
... готов ди ... молвой
... ангелов <низводила>
Соблазняя <..... красотой>
И когда ты <..... верой>
... тобой <вдруг>
... пур-пур... серый
И когда-то мной кру<г>
... чтоб враг<ами>
... что ж <...>
Луг с цве—тами <...>
.....